

Комплекс представлен разнообразным керамическим материалом: фрагментами черепицы, амфорной тары, столовой и кухонной посуды.

Представляет интерес коллекция узкогорлых светлоглиняных амфор типа С по классификации Д.Б.Шелова. Широко представлена кухонная посуда: кастроулы и краснолаковая посуда.

Анализируя стратиграфическую ситуацию и керамический комплекс можно сделать следующие выводы:

В данном месте находился зольник, возможно, храмовый.

Период функционирования — конец I- начало III вв. н.э.

*Л.И.Бабенко, Ю.А.Чижова
(Городской детский дворец культуры, г. Харьков)*

К вопросу о семантике сюжета «танцующие менады».

В погребальных памятниках скифского времени среди многочисленного инвентаря обнаружено огромное количество предметов античного импорта, свидетельствующих о тесных связях варваров с населением античных городов Северного Причерноморья. Среди этого множества вещей выделяется серия изделий в виде золотых пластин, являющихся деталями женских парадных головных уборов. Пластины орнаментированы оригинальным сюжетом в виде парных фигурок танцующих женщин, отождествляемых практически всеми исследователями с менадами - служительницами культа Диониса. Изделия с подобным сюжетом обнаружены в погребальном инвентаре Деева и Рыжановского курганов, Гаймановой и Денисовой Могилах, Большой Близице. В последнее время этот перечень пополнился еще одной находкой. При раскопках Песочинского курганного могильника скифского времени экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г.Бородулина в кургане 8 были обнаружены детали женского головного убора в виде разнообразных золотых пластин.

Среди различных сюжетов, представленных на этих изделиях (растительные мотивы, змееногая богиня с гиппокампами и сценой терзания зайца орлом, сфинксы с двойным туловом год ем, сцены охоты всадника на оленя обнаружены и четыре пластины две больших - высотой 4,7-5,3 см и длиной 12,5-13,4 см и две маленьких - высотой 4,6-4,9 см и длиной 2,8-3,0 см) с изображением танцующих менад в традиционном иконографическом исполнении - чередующие друг друга в длинных платьях и остроконечных головных уборах фигурки менады о тирсом и козлиной головой в руках и менады с ножом и задней козлиной ногой в руках.

Новая находка изделия этой серии позволила вновь обратиться к вопросу семантики и причинах популярности сюжета с танцующими менадами у варварских племен. В историографии сложилось два подхода, по разному объясняющих причины популярности подобного сюжета у скифов. Представители первого [Рябова, 1979; Русяева, 1995], ссылаясь на гередотовский пассаж о

судьбе Скила [Herod., IV, 78-80] объясняют популярность в IV в. до н.э. в скифской среде изделий с дионисийскими сюжетами усилением греческого влияния (и даже целенаправленной пропагандой) на религию скифов, что и привело к заимствованию скифами эллинских культов. По иному подошел к решению проблемы Л.С. Раевский, признав, вслед за другими исследователями [Артамонов, 1961; Блаватский, 1961; Шелов, 1950; Бессонова, 1983] существование собственно скифских экстатических культов и предложив видеть причины популярности греческих изобразительных мотивов в использовании их скифами для воплощения исконно своих ритуалов. Именно в этой плоскости, как пример приспособления инокультурных иконографических сюжетов для воплощения персонажей собственных мифов или ритуалов следует объяснять популярность образа танцующих менад у скифов. Для правильного понимания собственно скифской трактовки этого сюжета важно наблюдение С.С. Бессоновой о необычности формы тирсов на пластинах, как свидетельства стремления торевта приблизить атрибуты менад к нормам скифского культа [Бессонова, 1983]. Внешне форма тирсов близка к древку, увенчанного навершием и трактуемого как материальное воплощение образа мирового дерева [Переводчикова, Раевский, 1981]. Форма верхней части тирсов с центральным верхним и четырьмя боковыми отростками (маркирующими центр мироздания со сторонами света) воплощает представление скифов о пятичленной структуре горизонтального пространства [Раевский, 1981].

Одной из функций древка с навершием как мирового дерева было его использование в качестве жертвенного столба [Переводчикова, Раевский, 1981]. Ритуал принесения в жертву возле дерева козла или барана известен у многих народов, в том числе и у генетически близких к скифам осетин, танец менад с расчлененным у жертвенного столба телом козла (барана) воспринимался скифами, скорее всего, как воспроизведение этого ритуала. Обстоятельства находок наверший подчеркивают их особую связь с погребальным ритуалом, важнейшей составляющей которого являлось жертвоприношение. В то же время одной из самых характерных черт погребального обряда культур скифоидного типа является присутствие в погребениях остатков мясной пищи (преимущественно мелкого рогатого скота) с ножом. Подготовка сопутствующей погребенного пищи должна была осуществляться в соответствии с четко установленным ритуалом, на сакрализованной жертвенным столбом территории [Переводчикова, Раевский, 1981]. Особая роль при этом отводилась и ножу. После разделки животного нож, вероятно, приобретал свойства сакрального предмета, что исключало его использование в повседневной жизни» следствием чего было помещение ножа рядом с сопутствующей пищей. Показательна в этом случае (хотя, возможно, и не более чем совпадение) близость формы ножей менад к распространенным у скифов ножам с костяной ручкой и горбатой спинкой лезвия.

Подтверждает предложенную трактовку сюжета и наблюдение Б.Н. Мозолевого о находках наверший в насыпи курганов, сооруженных над женскими погребениями, или в кургах — женскими захоронениями [Мозолевский, 1979], что позволяет видеть в этих предметах культуры, служителями которого являлись именно женщины. Этому соответствует и традиция отождествления у скифов мирового дерева с женщиной [Бессо-

нова, 1983]. Зафиксирован также случай совместного нахождения в одном комплексе пластин с менадами и наверхий (Гайманова Могила).

Связь сюжета «танцующие менады» с погребальной обрядностью подчеркивают и сюжеты остальных пластин Песочинского головного убора. Так, аканф широко использовался в Древней Греции в качестве растения для некрополей. Тесную связь с погребальным культом имели и изображения змееной богини, часто служившие украшением саркофагов [Бессонова, 1983]. Показательно в этом отношении и присутствие пластин со сфинксами - демонами смерти, хранителям и покоя умерших [Онайко, 1970].

Вписывается в предложенную схему и мнение о связи древков, увенчанных наверхиями с ритуалами шаманского типа в качестве посохов шамана [Вакау, 1971; Переводчикова, Раевский, 1989]. Наличие элементов шаманизма в скифской религии признают в последнее время большинство исследователей [Артамонов, 1961; Бессонова, 1983; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983], усматривая в них основу для воспринятая элементов дионисийского культа. Показательна связь «скифской бани» [Herod., IV, 74], являющейся проявлением обряда шаманского типа с погребально-поминальным ритуалом. Собственно, и изображение фигурок менад с тирсом в движении танца напоминает шаманское камлание, ритм которому задавался посредством звучащего элемента» наверхий - бубенца или колокольчиков [Вакау, 1971].

Вышесказанное свидетельствует, что образ танцующих менад воспринимался местным населением в качестве иллюстрации собственных ритуалов, таких как подготовка сопутствующей покойника пищи в частности, и, жертвоприношений, в целом. Вероятно и присутствие в этих ритуалах и элементов шаманизма, что сближает их с вакханическим культом, служителями которого и были менады. Соответственно, одной из функций жриц, погребенных в головных парадных уборах, украшенных менадами (на пластинах или в виде вырезанных фигурок) было участие в перечисленных ритуалах.

В. Н. Зинько, А. Н. Шамрай

(Центр Археологических исследований, г. Керчь, г. Темрюк)

К Вопросу о локализации памятника Сатира на Азиатском Боспоре.

В последние десять лет северная часть Таманского полуострова является своеобразным «полигоном» инновационных процессов в археологии (А.П.Абрамов), исторической географии (Я.М.Паромов) и подводной археологии (В.Н.Таскаев). В этой связи возрос научный интерес ко всем видам письменных и археологических источников, характеризующих данный район Азиатского Боспора. Особое внимание исследователей привлекает памятник Сатиру [Завойкин, 1999г., Масленников, 2001]. А.А.Завойкиным был дан историко-археологический анализ упоминания Страбона о «мемориале Сатира» [Strabo. XI. 2,7]. Здесь же автор обосновал историко-географическую и отчасти археологическую локализацию этого памятника у юго-западной оконечности Фанталовского полуострова, связав его с горой Горелой.